

Сердца французов раскрыты для друга

ВОТ ТЕБЕ И ЖИРОНДА!

В день вылета Никиты Сергеевича Хрущева из Парижа мой старый знакомый, известный западный журналист, передал мне в самолете свежий номер газеты «Монд», в котором он очеркнул абзац в корреспонденции из Бордо. В этом абзаце говорилось следующее:

«...Завоевать симпатию Парижа — одно дело, причем, как уверяют, сравнительно легкое, ибо парижане имеют обычай приветствовать гостей из простой вежливости. В Бордо, куда господин К. прибудет в субботу, речь пойдет уже о том, чтобы «растопить население», которое хотя и относится к южанам, но под обманчивой жизнерадостностью которого часто скрывается сдержанность и холодность».

На этом месте корреспондент, передавший мне газету, поставил жирный вопросительный знак.

Действительно, мы летели в Жиронду — ту самую крестьянскую винодельческую провинцию, которая, как известно, еще в глубине веков славилась консерватизмом своего быта и играла отнюдь не передовую роль в Великой Французской буржуазной революции.

На аэродроме в Бордо самолет главы Советского правительства был встречен со всеми подобающими почестями. Однако один западный корреспондент, вылетевший сюда заранее, сообщил нам, что этой ночью какие-то негодяи из «культур» разбросали гвозди на дорогах, ведущих в Бордо из провинции, за исключением той, по которой поедет торжественный кортеж. Сделано это, как он нам заявил, для того, чтобы помешать людям из провинции приехать на машинах в город для встречи «коммуниста № 1».

Ну, уж и корреспондент, передавший мне «Монд», был прав в своем скепсисе! Мы же забыли дружелюбия парижан, и как-то не хотелось в это верить. Но уже на окраине Бордо опасение начало рассеиваться. Группами, в одиночку, целыми толпами на перекрестках стояли люди, приветливо махали руками, что-то кричали, улыбаясь проносящимся автомобилям.

На площади перед величественным зданием театра толпа как бы разделилась на две неравные части — очень маленькую, компактную, откуда слышались враждебные выкрики, и большую, образовавшую огромный полуукруг, где вместе с трехцветными французскими флагами алыми наши советские флаги, где растянутый на палках плакат по-русски приветствовал Никиту Сергеевича в столице французских вин.

Отсюда, разублаемые по слогам, неслись приветствия. — Ну, вот видите, мой прогноз оправдывается, — сказал нам западный коллега, сообщивший о разбросанных на дорогах гвоздях.

— Давайте, — ответили мы, — поставим количественное соотношение этих группировок.

Коллега ничего не ответил и отправился снимать какого-то типа, очень квалифицированно психовавшего в маленькой группе всякий раз, когда на него наводили объектив фотоаппарата.

Не дожидаясь, пока Никита Сергеевич закончит осмотр театра, мы пошли пешком по широкому проспекту, ведущему к префектуре, и тут имели возможность вочию убедиться, как глубоко неправ был журналист, говоривший о сдержанности и холодности жителей юга.

Весь широкий проспект был буквально загроможден народом. Толпа такой же плотности, как несколько дней назад на Ближней стороне, заполнила обе пешеходные части проспекта. Пестрели, развеиваясь, французские и советские флажки. Много людей пришло сюда, как на праздник, с детьми на руках. Машины почетного кортежа еще дожидались Никиту Сергеевича у здания театра, а тут уже слышались приветствия, изъявления мира и дружбы. Где-то в центре толпы хор молодых голосов не очень, правда, стройно, но зато громко и с энтузиазмом пел нашу песню «По долинам и по взгорьям». В другом конце другая группа поющих отвечала «Атютшей». Вот тебе и Жиронда! Вот тебе и сдержанный, холодный характер!

Вдруг из самой гущи толпы я услышал совершенно неожиданное: — Борис, Борис!

Батюшки, французский писатель и борел за мир Жан Лафитт с женой и ребятишками, которых все мы, активисты движения сторонников мира, знаем и зовем лафиттинскими!.. Всей семьей он пришел сюда и стоял в толпе. На его добром, умном лице Яна — улыбка. Обнимаем. И он, извлекая из памяти щедрый запас русских слов, говорит:

— Хрущев. Хорошо. Очень хорошо. Прекрасно. Замечательно...

Появляется кортеж. Как-то два парня в рабочих булзах пускают в небо большие цветные шары, которые поднимают над автомобильными красными флагами с серпом и молотом. Веселые девушки

говорят: — Хрущев. Хорошо. Очень хорошо. Прекрасно. Замечательно...

Появляется кортеж. Как-то два парня в рабочих булзах пускают в небо большие цветные шары, которые поднимают над автомобильными красными флагами с серпом и молотом. Веселые девушки

говорят: — Хрущев. Хорошо. Очень хорошо. Прекрасно. Замечательно...

Появляется кортеж. Как-то два парня в рабочих булзах пускают в небо большие цветные шары, которые поднимают над автомобильными красными флагами с серпом и молотом. Веселые девушки

говорят: — Хрущев. Хорошо. Очень хорошо. Прекрасно. Замечательно...

Появляется кортеж. Как-то два парня в рабочих булзах пускают в небо большие цветные шары, которые поднимают над автомобильными красными флагами с серпом и молотом. Веселые девушки

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 38 (4163)
Вторник,
29
марта
1960 г.

Цена 40 коп.

На улице Мари-Роз, где некогда жил великий Ленин, тысячи людей ожидали советского премьера. На снимке: Никита Сергеевич Хрущев отвечает на приветствия парижан.

ТЕПЛЫЙ ВЕТЕРА НАД ЮГОМ ФРАНЦИИ

старается добросить до несущихся машин горсти конфет, и поидейские, представляя собой как бы живой барьер, отделяющий толпу от проезжей части, стоит, словно Цыеро, осыпанные дождем пестрых бумажек.

И вот сейчас, когда я уже в Марселе вспоминаю впечатления двух последних дней путешествия с Никитой Сергеевичем по французскому Югу, мне кажется, что лавина человеческого дружелюбия, возникшая там, на проспекте в Бордо, все время стремительно нарастала по мере нашего продвижения.

Жители Бордо показали в префектуре жестко все лучшее, что у них есть, чем они издавна и заслуженно гордятся, что составляет их славу во Франции, — своя вина. В одном из залов за столом, заставленным бутылками, Никиту Сергеевича приветствовал огромный уса в традиционном костюме винодела.

Он осторожно наполнил бокалы янтарным, золотым и багровым вином, просил гостей попробовать. При этом он следил за ним взволнованным, а вы даже сказали, ревинным взглядом, спрашивавшим: ну как? И весь просиял довольной улыбкой, когда гости похвалили вино.

— А знаете, вы похожи на нашего маршала Семена Михайловича Буденного, — пошутил Никита Сергеевич.

Имя Буденного здесь широко известно, и шутка мгновенно распространилась в журналистском кругу. Сейчас же заставил бордосского Буденного рассказать о себе. Он огулкал Роже Дюро, одним из лучших депутатов этого винодельческого департамента. Род Дюро пятые столетие дегустирует вина, и Роже, унаследовавший свою профессию от прапрадедов, занимается этим делом чуть ли не с младенческого возраста вот уже шестьдесят лет.

ВЫСОКАЯ СКОРОСТЬ. — Хрущев. Хорошо. Очень хорошо. Прекрасно. Замечательно...

ВЫСОКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Путешествие по Франции разворачивается с необыкновенной стремительностью. Утром Никита Сергеевич осматривал Бордо — этот город на берегу Гаронны, родину знаменитого художника Марке, полотнами которого любили восхищаться москвичи и ленинградцы, а вечером он был уже на берегу другой красивой реки — Гав-де-По, в городе По, сердце Французских Пиренеев. Здесь, в древнем замке короля Генриха IV, воздвигнутом на скале высоко над рекой, главе Советского правительства был оказан необыкновенно любезный прием. Жители в баскских и бейнских национальных костюмах поднесли гостю дары чистого сердца — медаль города По, старинную грамоту, приветственную записку гостя, маленького белого ягненок, служащего в зеленых горах съемом мира, кукурузные початки...

Ночью нам не спалось. Хотелось осмотреть замок

при свете луны, благо она сияла, будто ее вычесали песком в ожидании гостя. Тяжелые башни замка как-то особенно, по-волшебному невесомо выделялись на фоне звездного неба. Невольно задумаешься о славном прошлом этого края, о королевском дворе, обещавшем тогда-то каждому французскому курью в горшке в воскресный день, и о том, чем закончилась вся эта затея.

И вдруг голос, раздавшийся рядом, вернул нас из глубины средневековья в сегодняшний день:

— Русские!

Поряд нами был маленький человек в широком баскском берете. Включенный пистолет стоял возле него на коротком поводке. Оба смотрели на нас. Мужчина рекомендовал: Жан Веде, местный парикмахер. Пять лет Веде сидел, как он выразился, «в гитлеровском концлагере» в Ганновер, и с ним вместе сидели русские и украинцы. Отличные парни. Они потом смело бежали, переживав проволоку, а вот он не ринулся и проточил в лагере до освобождения.

— Товарищи! Вы не обижаетесь за то, что я вас так называю? Не скажете ли вы товарищу председателю Хрущеву, что мы, простые французы, очень невольны амурами, которые ведет наше правительство с Аденауэром, очень недовольны. Разве мы можем забыть нацистские концлагеря? Нет, Франция — запомнит это! Передайте товарищу К.

А на следующее утро в воскресной газете «Журнал дю дамани» мы прочли заголовки: «Летая со скоростью восемьсот километров в час и разрезая по Франции со скоростью три тысяч километров, месье К. продолжает очаровывать французскую». В этом заголовке, несмотря на его несколько необыкновенную форму, много правды. Именно с такой скоростью и с такими результатами движется по Франции Никита Сергеевич. Корреспонденты сопровождают его на автомашинах, летят над ним на вертолетах. Блоготные корреспонденты пахнут не по дням, а по часам. И теплая волна взаимной привязи, взаимопонимания, выражающая активное стремление французов к дружбе с советскими людьми, продолжает нарастать.

Прекрасные дни стоят сейчас на юге Франции. Цветут сады. Распускаяются листья на деревьях.

На огромной скорости движется через всю эту благодать вереница машин... Старый город Нам, несмотря на дождь, встречает почетного гостя огромными толпами, загромождая улицы. Люди стоят по всему пути следования. Много красных флагов. Плакаты на русском языке: «Привет тебе, посланец Хрущев».

И Арль, несмотря на дождь, оказал Н. С. Хрущеву отличный прием, показал великодушную самостоятельность — девушки и юноши, одетые в старинные костюмы, танцевали фараделу на арене древнего амфитеатра.

А дальше дорога вывела нас на побережье и понесла к Марселию... Всюду на перекрестках стояли под зонтиками люди, андидировавшие главе Советского правительства.

Кстати: слух о гвоздях, разбросанных на дорогах, ведущих в Бордо, подтвердился; но выяснилось, что эта неумная затея «культур» тем не менее не помешала виноделам и рабочим, живущим в окрестностях города, приехать на грузовиках встретить Никиту Сергеевича!

По дороге мы узнали еще об одном, на сей раз курьезном, обстоятельстве. Оказалось, что правительство Франции, как ни странно, ускорило... заключение браков в Марселе. Да, да!

Пришло это так. По местному обычаю, свадьбы устраиваются в понедельник. Но так как гость из СССР приехал в Марсель на исходе воскресного дня и намеревается пробыть там понедельник,

ДИПЛОМАТИЯ СМЕЛАЯ, ПРАВДИВАЯ, НОВАТОРСКАЯ

МЕНЬШЕ недели находится во Франции глава Советского правительства — тов. Н. С. Хрущев. И, как это бывало во время предыдущих поездок Никиты Сергеевича, огромный, широкий круг новых идей, смелых и точных обобщений, простых и понятных каждому рядовому человеку мыслей стал за эти дни достиганием миллионов французов. Историческое значение визита высоко расценивается международной общественностью. Польская газета «Штандарт молодых» пишет: «Праздничная атмосфера, господствующая на улицах столицы Франции, не заслонет, однако, глубокого смысла визита руководителя Советской страны. Образно об этом сказал сам премьер Хрущев, когда говорил о необходимости очистить поля, заминированные в последней войне, чтобы избежать катастрофы».

О больших и свежих впечатлениях, о том, что они узнали много нового, говорят не только рядовые французы, к которым непосредственно и очень часто обращается их гость. Это признают и руководители Франции. Президент де Голль сказал: «С тех пор, как я имею честь встречаться с Председателем Хрущевым, я мог многому научиться». Премьер-министр Ж. Лебру заявил: «Все во Франции знают, что после этого визита и этой встречи положение не должно больше оставаться таким, каким оно было прежде...».

Почему же изменится положение, почему многое станет в глазах западноевропейцев «на свое место»? На завтраке в Ассоциации дипломатической прессы Никита Сергеевич кратко напомнил о коренном различии между дипломатией прошлого и дипломатией Советской страны. Его слова были обращены к журналистам, но прислушаться к ним должны и самые видные деятели внешней политики всех государств. Он сказал: «Про дипломатов раньше говорили, что им язык лая для того, чтобы скрывать свои мысли. Думаю, что журналисты дипломатической прессы будут придерживаться иных принципов. Тот, кто хочет верно служить своему народу, не должен скрывать от него правды...».

Политика правды, искренности, прямоты — вот как можно охарактеризовать всю внешнюю политику Совет-

ского государства, основанную на стремлении к миру и дружбе между народами. Именно прямота, откровенность Никиты Сергеевича Хрущева снискали ему всеобщее уважение, в том числе даже со стороны людей, придерживающихся диаметрально противоположных воззрений. Прочтите отчет о его выступлении перед членами парламентских групп Франции: можно ли сказать более откровенно — в старину сказали бы «не дипломатически искренне» — о нашей уверенности в победе коммунизма? Можно ли говорить более прямо о проблеме Германии и германском милитаризме, подчеркивая в то же время готовность СССР к самым нормальным отношениям с ФРГ?! Перецитайте блестящий по остроумию и находчивости отчет Хрущева Хрущеву! насчет пропаганды идей коммунизма.

Выступления Н. С. Хрущева во Франции внесли много нового в дело борьбы нашей страны за оздоровление обстановки во всем мире. Великие ленинские принципы внешней политики СССР, конкретные вопросы современных отношений между Западом и Востоком нашли в его выступлениях глубокое и яркое освещение. С очень многими проблемами успеха познания своих французских собеседников глава нашего правительства, — напомнил лишь о некоторых из них.

Первая по значению и самая широкая по охвату — проблема мирного сосуществования всех государств. Она с предельной ясностью сформулирована Н. С. Хрущевым в его известных выступлениях в США, в странах Юго-Восточной Азии. И, несмотря на это, важнейшая по своему историческому значению для наших современников тема снова получила живое и убедительное освещение.

Что такое сосуществование? Отвечая на так широко сформулированный вопрос в Ассоциации дипломатической прессы в Париже, Н. С. Хрущев сказал:

«Прежде всего надо признать, что сейчас в мире существуют две системы — капиталистическая и социалистическая. Надо признать, что и та, и другая, как говорят верующие люди, богом даны. И если они существуют, то следовательно, самое разумное — их мирное сосуществование».

(Окончание на 4-й стр.)

РОДИНА-МАТЬ ВСТРЕЧАЕТ ГЕРОЕВ

Суровый экзамен выдержан!

КАНДЫЙ моряк, побывавший на Дальнем Востоке, знает, что плавание в районе Курильских островов — это не из легких, а говоря языком официальных документов, «протекает в сложных навигационных условиях». Я могу лично это удостоверить... мне не раз доводилось плавать в Курильских островах.

Однажды в этом районе нам пришлось выдержать жесточайший шторм. Пять суток, проведенных в разбушевавшихся океане, порядочно измотали нас моряков, а грузинки, оказавшиеся на борту, лежали вповалку, страдая морской болезнью. Тогда судно водоизмещением в десять тысяч тонн, на котором я плавал, казалось мне маленьким и ничтожным в волнах Великого океана. А ведь наш корабль был управляем с мощным двигателем, держался маленькими ходоми то против, то по волне, и поэтому качка была не так стремительная и легче переносима, чем бортовая.

Четверо солдат, унесенных в океан, провели сорок девять дней на легком суденышке, лишенном управления. На семнадцатое января — день, когда баржу унесло в океан, продовольственные запасы экипажа оказались весьма скудными. Район, по которому течениями и ветрами носило баржу Т-36... — пренебрежительный в Тихом океане, особенно зимой. То липкий мокрый снег покрывает корабль кашеобразной массой, то мороз мгновенно превращает все в крепкий скользкий лед. Опрокидывающиеся на судно гребни волн быстро увеличивают толщину намерзающего льда...

Когда я узнал о беспримерном дрейфе Т-36, мне прежде всего показался невероятным, как выдержало это суденышко, совсем не предназначенное для океанских плаваний в зимнюю штормовую погоду, дивляющаяся с необычными перепадами почти два месяца.

Ну, а люди? Четыре солдата... Как они выдержали непрерывную сумасшедшую качку в течение такого длительного времени, находясь на голодном пайке, на предельной истощении. Волны неутомимо то поднимали их на высоту четырехэтажного дома, то стремительно бросали вниз.

Так было несколько недель. История мореплавания хранит немало примеров отваги и мужества, но в ней, в этой истории, и немало черных страниц. Люди, потерпевшие кораблекрушение или оказавшиеся в исключительных бедственных обстоятельствах, к сожалению, не всегда оказывались на высоте человеческого достоинства.

В подвиге Зиганнина, Попова, Крюковского и Федотова многие видят своеобразные и то, что он совершенно не избранными по всем статьям людьми, а подлинно рядовыми, заступниками обстоятельствами, можно сказать, врасплох.

Но это верно лишь отчасти. Моряк, выходящий в плавание, должен быть готов ко всяким случайностям, в том числе и к бедствиям. Штормы и бурное море — обычные условия его работы. И полторы, идущий в антарктическую или арктическую экспедицию, знает, что его ждут впереди многие невзгоды и опасности. Морозы, снега и льды — нормальные условия, в которых протекает работа полярников.

Но при таком толковании забывается самое главное: четыре советских солдата прошли иную, еще более важную подготовку, закалившую их, давшую им силы для преодоления всяких трудностей. Эту подготовку проходит каждый молодой гражданин Советского государства в семье, школе, на производстве, в армии, и называется эта подготовка воспитанием советского характера.

(Окончание на 2-й стр.)

Евг. ЕВТУШЕНКО

Их четверо было — и двести миллионов

Чего мы все стоим, если не знаем, рассветов над лесом, рассветов над полем, где мы родились, и выросли с вами, И там в океане под шестью пенями летели гармоникой русской напевы. Гармошка погибла, гармошки не стало, и во все мы играть она не перестала, и в звуках неслышных ее, как вначале, все вздох природы русской звучали. И четверо — были сильнее циплонов. Их четверо было — и двести миллионов

МЫ ГОВОРИМ С ОТВАЖНЫМИ...

На проводе французский порт Шербур

Вчера, 28 марта, океанский лайнер «Кун Мэри» на борту которого находилась четверка отважных героев — победителей Тихого океана — А. Зиганнин, А. Крюковский, Ф. Поплавский, И. Федотов, прибыл из Нью-Йорка во французский порт Шербур. Здесь в ожидании поезда на Париж четверка имела небольшую передышку... В 15 часов 15 минут по московскому времени корреспондент «Литературной газеты» соединился по телефону с Шербуром, с командиром доблестного экипажа А. Зиганниным.

Москва: Читатели «Литературной газеты» приветствуют вас, товарищ Зиганнин, и ваших боевых товарищей. Как прошло плавание по Атлантическому океану, каково самочувствие экипажа?

Шербур: Благоларим вас за внимание. Мои товарищи и я, мы чувствуем себя хорошо. Состояние здоровья нормальное. Наше плавание по Атлантическому океану прошло неплохо. «Кун Мэри» недавно ошвартовался в Шербуре. На борту лайнера мы славно отдохнули. Капитан корабля, его команда и пассажиры отнеслись к нам очень гостеприимно и дружелюбно. Капитан пригласил нас к себе в гости. Нам показали машинную отделку и даже камбуз «Кун Мэри».

Москва: Вероятно, в Атлантическом океане вы получили немало корреспонденцию?

Шербур: Да, в наш адрес на борту «Кун Мэри» поступили приветственные радиogramмы из разных городов нашей Родины. Ленинградские моряки, экипаж парохода «Урицкий», работники торговли Москвы и другие неслыхом, но близкие нам советские люди передали сердечные приветия и добрые пожелания. Мы даже с борта «Кун Мэри» разговаривали по радиотелефону с нашими советскими работниками общественного питания. Они интересовались нашими вкусами...

Москва: Что бы вы хотели передать советским людям перед вашим возвращением на Родину?

Шербур: Прежде всего еще и еще раз большое спасибо нашей родной Коммунистической партии, Советскому правительству, всем советским людям за заботу и внимание. Мы всегда будем верно служить нашей замечательной Родине. Конечно, мы очень счастливы, что, видимо, 29 марта, наконец, вернемся домой, вступим на милую нашу советскую землю и скажем: «Здравствуй, наша родная Москва». Еще и еще раз от всей души благодарим наше Отечество за то, что оно для нас сделало и делает. Если нам нетрудно, передайте нашим родным и близким, что с нами, как мы уже сообщали, все в порядке и что теперь уже скоро свидимся. Назначьте, через одну минуту отходит поезд на Париж. Мы торопимся. До скорой встречи в Москве.

Москва: Спасибо за беседу. Счастливого вам пути на Родину. Мы ждем вас, дорогие друзья, в Москве.

Опять «двойка», опять перегрузка...

П ОЧТИ семь лет назад, весной 1953 года, в «Литературной газете» было опубликовано письмо московской учительницы А. Берешниковой «Проблема «двойки»». В материале шла речь о несправедливой практике оценки работы педагогов и школ по «проценту успеваемости». Практика же эта влечет за собой другое вредное явление — так называемую перегрузку учащихся.

Вскоре после публикации этого письма и обзора читательских откликов на него в газете появился ответ министра просвещения РСФСР, выдержки из которого нам казалось бы уместным сейчас здесь привести. «Министерство просвещения», — говорилось в нем, — разделяет законные требования «Литературной газеты», направленные на полную ликвидацию в работе школ и органов народного образования несправедливой и вредной практики оценки работы школы и учителя на основе средних процентов успеваемости и устранения всякого давления на учителя в оценке успеваемости учащихся».

Такое энергичное осуждение процентов давало основание полагать, что с этим явлением будет вскоре покончено. К тому же, как было сказано далее в ответе, министерство «строгое предупредило заведующих об(край) ОНО о недопустимости антигосударственной и антипедагогической практики завышения оценок...».

Но вот недавно, 24 декабря минувшего года в страницах «Литературной газеты» снова поднят тот же вопрос. Ленинградская учительница Л. Ковалева в статье «Широко попятай цель» пишет о том, что больше всего мешает школе в обучении и воспитании ребят: о погоде за «высоким процентом» успеваемости и перегрузке школьников.

И снова, как и семь лет назад, в многочисленных читательских откликах на эту статью — подтверждение того, что понимание жизни и занимает в школе те же позиции. «Проценты стали злом. Чего только не делается в школе во имя этого процента!» — с горечью восклицает молодая учительница В. Ермак (Оренбургская обл.). «Статья поднимает, увя, не новый, но до сих пор не разрешенный вопрос «двойки» и «стопроцентной успеваемости», вопрос, неудобно и по-настоящему мешающий правильному обучению и правильному воспитанию», — пишет учитель-москвич Б. Лондон. В школах Сталинграда, как сообщает А. Макарова, «точно так же из двоечников делают троечников за счет репетиторства». Нет нужды продолжать цитирование, достаточно сказать, что ни один из авторов откликов, — а среди них есть люди, не согласные с Л. Ковалевой по некоторым вопросам, — не отрицает существования процентов в наших школах.

Процентомания — зло. И это зло читатель видит прежде всего в том моральном ущербе, который оно наносит детским душам. Большинство читателей подтверждает мысль автора статьи и о живучести перегрузки школьников. И этот вопрос имеет свою историю. Вспомним хотя бы письмо группы виднейших ученых-медиков, опубликованное 10 мая 1956 года в «Литературной газете» под заголовком «Это очень важно».

Сотни читательских откликов показали огромную важность и остроту этой проблемы, подтвердили мнение ученых о том, как пагубно отражается перегрузка на здоровье детей. И на этот раз в своих ответах газете и министр просвещения РСФСР, и президент Академии педагогических наук признавали правильность этой критики и соглашались с принятыми мерами по ликвидации перегрузки.

Но вот снова раздаются голоса, исполненные тревоги: «Наши ребята сейчас так перегружены, что не успевают бывать на воздухе, заниматься своим любимым делом; тот даже не демократ, кто не признает и не отстаивает равноправия наций и языков, не борется со всяким национальным гнетом или неравноправием. Это несомненно. Но так же несомненно, что тот левый марксист, который на чем свет стоит ругает марксиста иной нации за «ассимиляторство», на деле представляет из себя просто националистического мешанина» (Соч., т. 20, стр. 12).

Большое место в статье уделено вопросам национальной специфики культуры. «Есть немало специфических особенностей в психическом складе, национальной культуре, обычаях и быте латышского и других народов. Однако, кроме особенностей данной нации, имеет огромное значение черта, родящая объединяющих ее друг с другом социалистическими нациями наших стран. Это в первую очередь единство целей — стремление к коммунизму, экономической взаимозависимости, общности политических интересов, единичное трудолюбие, непоколебимая дружба народов. В условиях социализма идет бурное развитие национальных культур и вместе с тем процесс их всестороннего взаимообогащения, сближения».

Надо учитывать национальные особенности, но очень вредно преувеличивать их значение, уменьшая роль общности, единства социалистических наций, ибо такое преувеличение ведет к ослаблению у народа благородного чувства пролетарской солидарности, к ослаблению действенной, активной дружбы народов.

Национальная специфика, национальная форма культуры есть у любого народа, в том числе и у латышского. Она имеет свои глубокие корни. Но нельзя представлять эту специфику как нечто неизменяемое, застывшее. Национальный характер человека обогащается жизнью, обобщением с другими людьми, традиция меняются: хорошие крепнут, дурные отмирают. Надо ли всегда, по любому поводу возвращать все древние традиции, выдавать их за особенности национальной формы культуры?

В наших праздничных песнях, в репертуаре театров и художественной самодеятельности подчас слишком большая доля отдана старине. Спорно нет, латышский фольклор XII — XIII веков очень живописен, ярок, интересен, мелодичен и выразителен: древние народные песни — «дайна», «яри» и языки старинные народные костюмы латышей. Но разве в последние века, и особенно за последние двадцатилетия, латышская народная культура не обогатилась новыми замечательными чертами? Только люди застывшие, отгородившиеся от жизни стенами своих кабинетов, могут же слышать новых песен, которые поют латышские колхозники, не видя новых картин индустриального труда, не замечать новых черт

коммунистической морали, нового, советского бытия трудящихся Латвии. В своем стремлении сблизить этнографические и словарные особенности латышской древности ины наши работники уподобились улитке. Спят, слышат она в свою раковину и не желает слышать могучих раскатов моря, видеть ослепительные лучи солнца.

Латышский народ богат замечательными традициями, которые надо множить и распространять. Эти традиции ковались на баррикадах 1905 года, где латыши сражались плечом к плечу с русскими революционными пролетариями и представителями других народов. Эти традиции выработались на фронтах гражданской войны, где славные латышские стрелки сражались за Советскую Россию и в Орле, и в Мянске, и в Риге. Эти традиции живут и сегодня — в совместном дружном труде латышей, русских, украинцев, эстонцев, грузин и других народов СССР на целине, на стройках Севера, на многоотраслевых фермах Латвии, в коллективах коммунистического труда.

Задача искусства, науки, пропаганды — обобщать, обрабатывать, всемерно укреплять эти новые, замечательные традиции, интернациональные по своему духу и выраженные в национальной форме. Такое искусство будет укреплять патриотизм латышского социалистического, а не «квашено», «сарафанного» Центрального Комитета КП Латвии пришлось серьезно править и Министерство культуры ЛССР, которое в своей патристической деятельности не давало должного отпора националистическим настроениям, а подчас само допускало ошибки националистического характера. В особенности это относится к работе театров, на подмостках которых за последние годы реже стали появляться лучшие произведения советских драматургов братских республик.

Некоторые художники, литераторы, артисты готовы были совершать головорезские скачки от убогого архаизма старого, дореволюционного бытия к ультрасовременному модернизму, ползущему к нам из буржуазных стран; они пытались окольными путями обойти столбовую дорогу — тему нашей действительности, жизни, труда и борьбы наших славных современников, строителей коммунизма. Любителей этаких путей становится у нас все меньше и меньше, но все-таки они еще есть, и если с ними не вести борьбу, они могут принести немалый вред нашей молодежи».

«ВНИМАНИЕ! ПОКАЗЫВАЕТ ЗЕМЛЯ»

...На экране цветного телевизора — зал одного из московских театров. Сегодня — премьера новой пьесы. Только что закончилось первое действие. Диктор объявляет музыкальную паузу. Вы поворачиваете ручку переключателя и... оказывается во Владивостоке, в порту, откуда идет репортаж об прибытии корабля с иностранными туристами. Снова щелчок переключателя, и вот вы в одном из крупнейших спортивных залов Нью-Йорка, на матче баскетбольных команд...

Все это пока похоже на фантазию, — говорит профессор Московского электротехнического института связи С. И. Катаев. — Но все это будет и, вероятно, в недалеком будущем. Проблема передачи телевизионных сигналов на большие расстояния — по ряду многих тысяч километров — с давних пор занимала умы ученых. Но только с запуском первого советского искусственного спутника она перешла из сферы мечты и фантазии в область реальных проектов. Вот один из вариантов ее осуществления. — Как вы быстро набравшая на бумаге схему: большой шар — Земля — в окружении маленьких — искусственных спутников.

Представьте себе, что в области экватора залучены три спутника с приемно-передающими телевизионными устройствами. Высота их полета над Землей — 36 000 километров, период обращения вокруг Земли — 24 часа. Эти спутники как бы «повиснут» над тремя определенными точками земной поверхности и смогут постоянно принимать направленные на них сигналы телевизионных станций. Репортнеры одного спутника примут и усилят эти сигналы, передадут их остальным спутникам, и они также вернут сигналы на Землю. Таким образом, передачу одной станции увидит одновременно весь мир.

Насколько эта идея осуществима технически? — продолжает Семен Исидорович. — Теперь забросить спутники на высоту в 36 000 километров — выполнимая задача. Спутник должен быть тяжелым — весом в 3—5 тонн, но, по возможности, в скором времени и этот вес будет даваться небольшим.

Солнце даст энергию источникам питания приемно-передающих устройств, полупроводники сделают аппаратуру легкой и надежной. Для приема можно с успехом применить антенны, используемые в радиостроении. Конечно, трудностей встретится немало — не так просто, например, создать устройства, постоянно и строго ориентированные антенны ретранслятора относительно Земли, придется решить еще много других серьезных проблем. Но темпы развития науки и техники — залог того, что наша мечта осуществится.

Несомненно, не так далеко время, когда в самые отдаленные уголки нашей страны придет телевидение, а связь между континентами станет более тесной.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ДОПРЫГАЛИСЬ...»

Так называлась реплика, опубликованная в № 138 «Литературной газеты» за 1959 год. В ней критиковалась выпущенная ленинградцами подборка игр «Фирт цветов». Заместитель министра культуры Грузинской ССР В. Киюлаза и секретарь тбилисского горкома КП Грузии М. Гарбардзеа в своем сообщении заявили, что критика газеты признана правильной, принято решение о прекращении производства и продажи «Игры цветов».

станций-гигантов, или, скажем, сооружение крупной газопровода Дашава — Киев — Брянск — Москва, одно из ответвлений которого пройдет и по территории нашей республики?

Ясно, что вольное или невольное противодействие этому естественному процессу, самое малейшее проявление национализма в подборе и расстановке кадров, всякая мелочная ограниченность мешают реализации грандиозных планов коммунистического строительства, развитию важнейших отраслей народного хозяйства, необходимых для всех республик, всей страны в целом.

Подробно останавливается А. Пельше на проблеме языка в жизни населения той или другой республики. «В своей статье «Нужен ли обязательный государственный язык?» (1914 год) В. И. Ленин предупреждал, что вопреки абминистрированию в этом деле недопустимо. Всякая «дубина» может быть тут очень вредна и опасна. Руководствуясь ленинским указанием, партия создает все возможности, чтобы каждый народ получил наилучшие условия для развития образования на родном языке. Такое положение создано, конечно, и в Советской Латвии. Дети и молодежь латышской национальности учатся в школах на своем родном латышском языке. Но вместе с тем растет тяга латышской молодежи к изучению русского языка, который для нее стал вторым родным языком, является могучим средством обобщения между социалистическими нациями, открывает широкий путь к изучению любых отраслей науки, техники, литературы, пользуется огромным уважением не только в нашей стране, но и за рубежом. Русский язык облегчает общение и взаимную помощь трудящихся всех многочисленных наций нашей Родины».

Но наплыв у нас некоторые люди, которые испугались этой тяги. Они стали вопить, что, изучая русский язык, русскую культуру, молодые латыши забудут национальные особенности своей культуры, свои традиции, свои привычки. Такие рассуждения ничего, кроме вреда, латышской молодежи принести не могут. Подобный взгляд опять-таки не что иное, как проявление буржуазного национализма, направленного в данном случае против естественного, исторически закономерного процесса, который обусловлен всем объективным ходом развития единой семьи советских народов к коммунизму.

В этой связи нельзя не вспомнить одно из важнейших положений В. И. Ленина, сформулированных им еще в 1913 году в статье «Критические заметки по национальному вопросу». «Тот не марксист, — писал Ленин, —

ПЕРЕД ФОТОГРАФИЕЙ ИЛЬИЧА

Снег победил урагану, Снег на воротнике. Слово было спозаранку. Был Ильич на катке.

И хотогал, и бегал, Перегонял всех. Брови, что хлябь снега, На бордике снега.

Вот он встряхнул одежду, Переступил порог. Только с волос, как прежде, Сдулуть снежок не смог.

Так и осыпали снежинки На бороде, в усах. Да на губах смешинки, Да оговяжи в глазах.

Александр ЯШИН

В этой школе учился Владимир Ильич. Вот он — класс-музей, вот та парта, за которой сидел юный Ленин. Сюда приходят школьники, и, кажется, нет для них большего счастья, чем постоять у этой парты. Жить, учиться, трудиться, как Ленин, вот какую школу дают они на сборах.

Слово Ильич, от которого цветет школа, посвященный Владимиру Ильичу. Нина Мушарина, ученица 7-го класса Ульяновской школы, читает стихи Маяковского на сборе пионерской дружины.

Суровый экзамен выдержан!

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

В этом — сила и величие нашей героической эпохи. В нашем дрейфе через Ледовитый океан на корабле «Георгий Седов», продолжавшемся восемьдесят два дня, были, конечно, трудности, и порой весьма серьезные. За три долгих полярных ночи тяжелые льды много раз наступали на наш корабль. Не однажды содрогался и грешал стальной корпус в ледяных объятиях. Иногда нам казалось, что катастрофа близка...

Каждый из нас чувствовал и по-своему переживал трагические события, но несомненно одно — порой всем было страшно.

Пусть не пытаются некоторые представить четырех отважных солдат как бесстрашных морских волков, победивших океан своим безразличием к опасности. Нет, я уверен, что дело было далеко не так... Да и не могло быть иначе.

ТАК БУДЕТ А У Ч Ш Е!

Воскресные газеты сообщили о решении ЦК партии и Совета Министров СССР о безвозмездной передаче домов отдыха и санаториев профессиональным союзам. А вчера утром в помещении фабкома комбината «Трехгорная мануфактура» было необычно оживленно. Десятки членов профсоюза пришли сюда как будущие хозяева государственных здравниц. Они пришли сюда поговорить, как лучше осуществить это мероприятие большого общественно-политического значения.

Естественно, что пленум фабкома не обсуждал еще этот вопрос. Но профсоюзные активисты высказали уже немало ценных мыслей, подобрали много важного и существенного.

«Медлить нельзя, — говорят работники, рабочие, служащие комбината. — Ведь к 1 мая надо завершить переводку. А хозяйство нам принимать немалое».

«Да, хозяйство это очень большое и сложное, — делится своими мыслями председатель фабкома Николай Федорович Мариненков. — Ни одна страна мира не имеет такой широкой сети санаториев и домов отдыха, такого большого количества курортов. Но смело можно сказать, что хозяйство это по плечу самой массовой организации трудящихся».

«Новое постановление вытекает из решений XXI съезда партии: общественные организации все более широко будут брать на свои руки обслуживание народа. В последнее время неизмеримо возросла роль профессиональных союзов. Позаневоляется хотя бы с будущим нашего фабкома и его актива, и вы убедитесь, что работа профессиональной организации о человеке начинается с его первых самостоятельных шагов».

Мы всегда уделяли много внимания организации отдыха и лечения трудящихся. Не ограничиваясь получением и распределением путевок, мы искали и находили новые формы курортного обслуживания. Профсоюзы организовали немало однодневных домов отдыха, профилакториев, здравниц для родителей, детей, матерей, летних палаточных городков, гостиниц для курсовочников и всевозможных других баз отдыха и лечения.

Но в этой работе мы часто сталкиваемся с трудностями, которые были вызваны принадлежностью курортов министерствам здравоохранения союзных республик. Можно привести много примеров нелепого распределения путевок из-за того, что наши здравницы не были централизованы. Например, служащие нашего детсада в Евпатории получали путевки в Подмоскowie, грузинские санатории порой путовали.

Теперь организационный курортного обслуживания займутся сами трудящиеся. Они найдут наиболее действенные формы лучшего обслуживания людей.

Только на нашей фабрике имеется профсоюзный актив более чем в 1500 человек. Среди них — 250 стачечных делегатов, которые примут самое активное участие в руководстве и организации курортного обслуживания.

Передача домов отдыха и санаториев профсоюзам, привлечение к этой работе широкого актива позволят значительно лучше организовать и работу этих учреждений.

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ

ПО ОД ТАКИМ заголовком газеты «Циня» и «Советская Латвия» перепечатали статью первого секретаря ЦК КП Латвии А. Пельше из журнала «В помощь политическому самообразованию».

По мере нашего продвижения к коммунизму становится все более важной и актуальной задача формирования нового человека с коммунистическими чертами характера, привычками и моралью. В эту задачу входят и вопросы интернационального воспитания трудящихся. В недавнем Постановлении ЦК КПСС о задачах партийной пропаганды в современных условиях подчеркивается необходимость учитывать национальные особенности в жизни народов нашей страны и в то же время проявлять непримиримость к пережиткам буржуазного национализма, к восстановлению и искусственному насаждению под маркой «национальных традиций» отсталых, реакционных обычаев и нравов, к малейшим попыткам противопоставления ложно понятых местных «интересов» общим интересам борьбы советского народа за коммунизм.

В принципиальной и обстоятельной статье А. Пельше широко изложены теоретические и практические вопросы интернационального воспитания трудящихся.

А. Пельше подробно рассказывает о достижениях социалистической Латвии в области экономики и культуры. Процветание Латвии в братской семье республик СССР стало возможным благодаря бескорыстной помощи других народов, в первую очередь великого русского народа.

В статье на многочисленных примерах из истории взаимоотношений латышского и русского народов показана плодотворность дружбы народов нашей великой Родины, дружбы, являющейся незыблемой основой могущества и силы социалистического государства.

Рабочие, колхозники, интеллигенция Советской Латвии сделали раз и навсегда выбор в пользу социалистического интернационализма, в пользу дружбы народов. Но нельзя забывать, пишет А. Пельше, что предатели всяких мастей из числа реакционной эмиграции и их империалистические работодатели любыми путями стремятся отравить сознание трудящихся республик, поколебать их благородные дружеские чувства к великому русскому народу и к другим народам СССР.

Статья напоминает: «Национальное чувство человека — тонкий, чуткий инструмент...» Учитывать это обстоятельство совершенно необходимо. Так

партия и поступала во всей своей истории. Так поступала она и сейчас.

Внимательное, бережное отношение к национальным чувствам людей не имеет, однако, ничего общего с канием бы то ни было ослаблением настроения «замкнутости», изоляции, национальной ограниченности. А. Пельше приводит слова одного из видных деятелей латышского и общероссийского марксистского движения П. И. Стучки: «Национализм — это болезнь; она заразительна, она часто возвращается, хотя и в более легкой форме. Ее худшая особенность состоит в том, что она может одуманить самую светлую голову...».

«Для того, чтобы противостоять «инфлюэнце» национализма, суметь дать надлежащий отпор малейшему его проявлению, — подчеркивает А. Пельше, — надо прежде всего крепко вооружиться основами марксистско-ленинского мировоззрения, овладеть правильным пониманием ленинской национальной политики, направленной против буржуазных взглядов на отношения между народами. Эти буржуазные взгляды выражаются и в великодержавном шовинизме и местном национализме. Носители первого пытаются умалять значение культуры, языка, традиций малых народов, что ведет, по существу, к игнорированию национального равноправия. Носители второго стремятся преувеличить значение особенностей в жизни и культуре того или иного народа, отгородиться от других наций, замкнуться в своей узкой, местнической скорлупе. И то и другое извращение опасно и вредно. И с тем и с другим партией всегда вела и ведет непримиримую борьбу».

Для правильного решения сегодня вопросов интернационального воспитания необходимо помнить об изменении, происшедших и происходящих в жизни нашей республики. «В условиях развернутого строительства коммунизма, когда такими бурными темпами идет развитие производительных сил страны, когда с каждым днем все крепче и монолитнее становятся экономическая и культурная взаимопомощь, сотрудничество народов нашей необъятной страны, неизбежно происходит процесс известного перемещения рабочей силы, кадров. Инженеры, ученые, квалифицированные рабочие, специалисты различных отраслей народного хозяйства и культуры в силу необходимости переезжают из одного района в другой, из республики в республику, из деревни в город или, наоборот, из города в деревню. Разве возможно без этого, например, освоение целинных земель, или строительство электростанций-гигантов, или, скажем, сооружение крупной газопровода Дашава — Киев — Брянск — Москва, одно из ответвлений которого пройдет и по территории нашей республики?»

Ясно, что вольное или невольное противодействие этому естественному процессу, самое малейшее проявление национализма в подборе и расстановке кадров, всякая мелочная ограниченность мешают реализации грандиозных планов коммунистического строительства, развитию важнейших отраслей народного хозяйства, необходимых для всех республик, всей страны в целом.

Константин БАДИГИН,
капитан дальнего плавания,
Герой Советского Союза

ДИПЛОМАТИЯ СМЕЛАЯ, ПРАВДИВАЯ, НОВАТОРСКАЯ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)
Если не признавать этого, тогда мирное сосуществование не будет. Капиталистические страны будут искать возможности покончить с социалистическими странами. Но если такая политика будет проводиться капиталистическими странами, то социалистические страны вынуждены будут искать возможности ответить на это взаимностью...

Можно ли более выпукло показать всем и каждому, каков выбор современного человечества — или мирное сосуществование, или война!

В наше время мирное сосуществование — это не только политическая доктрина или внешнеполитическая программа какой-либо группы государств. Это — реальный факт и вместе с тем «политическая необходимость». — подчеркивает Никита Сергеевич в Торговой палате, разговаривая с деловыми людьми и промышленниками Франции. Двум системам приходится жить рядом, — третьего не дано. «Надо учиться жить в мире», — говорит он в муниципалитете Парижа.

Глава Советского правительства высмеивает политику «с позиций силы» как совершенно обанкротившуюся, говорит о безумии тех, кто хочет добиться какого-то «равновесия страха» между странами Западного Востока. Никита Сергеевич отвечает и на нелепые «требования» кое-каких противников идеи сосуществования. «...Нам иногда возражают, — говорил он на встрече с представителями общества «Франция — СССР», — да, но вы отказываетесь гарантировать, что коммунизм не перешагнет ваших границ и не распространится на некоммунистический мир! Что верно, то верно: таких гарантий мы дать не можем. Как замечательно сказал покойный Молото-Кур, идеи путешествуют без виз, и еще не родился такой человек, который был бы способен приказывать человеческой мысли: «Умри!», чтобы она действительно умерла... Мы не лицемеры, — продолжал Н. С. Хрущев, — и потому говорим открыто: да, мы верим в идеи коммунизма, верим, что они победят. Но именно потому, что мы в это верим, мы выступили и выступаем против насильственного распространения любой социальной системы...».

И столь же ясно, просто, убедительно развивает и разрабатывает Никита Сергеевич важную и актуальную проблему улучшения франко-советских отношений. Эта тема неразрывно связана с предыдущей. Выступая перед членами парламентских групп 25 марта, товарищ Хрущев сказал: «Искренняя дружба между Францией и Советским Союзом возможна, если будет признано существование в мире двух систем, право на существование каждой социальной системы, если отношения между нашими государствами будут строиться на основе мирного сосуществования». Такова основная, принципиальная предпосылка. А в развитии ее — целая серия фактов, реальностей, повелительных требований жизни, говорящих не только о возможности, но и о необходимости дружбы двух великих европейских держав. Как радостно было всем советским людям читать проникновенные и мудрые слова президента де Голля: «...Россия и Франция, то есть две очень древние и в то же время очень юные страны, дочери одной матери — Европы, два народа, души которых формировались под влиянием одной и той же цивилизации и которые всегда чувствовали особое влечение друг к другу. Это два государства, у которых нет территориальных споров, нет взаимных обид, вызывающих к мести; они бы-

ли союзниками, когда дважды на протяжении столетия их континенту угрожали неосуществленные притязания, ныне исчезнувшие».

Переговоры Н. С. Хрущева с де Голлем только начались, они еще вершались, и мы далеки от намерения предопределить или предсказать их общий итог. Но уже сегодня всем гражданам Франции, как и гражданам СССР, ясно: дружба не только возможна, она нам необходима. Она важна прежде всего для укрепления мира в Европе. Никита Сергеевич сказал французским собеседникам: «...верьте, если у нас будет дружба с Францией, то совместными усилиями наших и других миролюбивых народов мы можем преградить путь к войне в Европе».

Борьба против возрождения германского милитаризма неразрывно связана с общей борьбой всех европейцев за мир. Никита Сергеевич предупреждает французского оппонента о повторении прошлых ошибок, о легкомыслии, о опасном «ухаживании» Западной Германии за Францией. Он напоминает о том, что Советский Союз стал сейчас неизмеримо могущественнее, чем прежде.

Странно выглядят в этой связи рассуждения некоторых правых французских деятелей, пребывающих, однако, во все растущей изоляции. Рене Плевен, например, как бы отчаиваясь на зреющую в умах мысль о необходимости для Франции и СССР стать подлинными гарантами мира в Европе и отвергая законные опасения насчет коварных замыслов наиболее агрессивных из германских милитаристов, пишет в газете «Шти бле де Кот-д'Ор»: «Экономическое и политическое единство Западной Европы — это наилучшая гарантия против германского ревизионизма, непреклонного для СССР и его союзников». Он мечтает о «единстве» Франции и Западной Германии. Старые и уже опровергнутые жизнью песни незадачливого творца «европейской армии» и участника всех планов «малых Европы!» Тесное и мирное

На площади Отель-де-Виль, в сердце Парижа... Все хотят видеть главу Советского государства. Этому французскому рабам повелело — он взорвался на высокую ограду и оттуда помакивает флажком. Снимок из французской газеты «Либерасьон»

Парижане в Ташкенте

ШЕСТЬ парижан — Пьер Тессье, Жерар Шамбрелет, Андре Шонэр, Жан-Луи Жени — несколько месяцев живут и работают в Ташкенте. Их уже хорошо знают в городе, знакомые зовут в гости, потчуют пловом и вином. Каждый день они трудятся на площадке домостроительного комбината, в создании которого дружили сплелись руки советских и французских специалистов.

— Вот так, собственно, я, Пьер Тессье, понимаю мирное сосуществование и дружеские отношения между Францией и Советским Союзом, — сказал мне недавно в Ташкенте директор домостроительной фирмы «Камю» за два часа до его отлета в Баку. — Только не забывайте, что я инженер, а не политик, хотя возведение хороших жилых домов для людей, по-моему, и есть самая лучшая на земле политика.

Несколько дней познакомился с французами. Как они попали в Ташкент? Видно здесь заимствованы не только волосы, французская обещала ответить завтра. И вот в назначенное время я у шефа фирмы.

— Ничего удивительного, обыкновенная жизнь, — рассказывает г-н Пьер Тессье. — Десять лет во Франции существует инженерно-проектировочная и строительная фирма «Камю», директором которой я являюсь. Она проектирует и строит из панелей все, что человеку нужно. Если вам придется посетить Францию, милости прошу, взгляните на сооружения, поставленные нашей фирмой в Париже, Гавре, Дуэ, Лилле... Основной профиль фирмы — домостроительные комбинаты. Семь таких предприятий построено нами в разных городах Франции, несколько — в Германии и других странах. Два комбината мы помогаем соорудить — в Ташкенте и Баку.

— Как возникло это сотрудничество?

— Оно родилось два-три года назад. Советские специалисты хорошо знают домостроительные фирмы Западной и видим, не последнее место отводит фирме «Камю». Сейчас Советский Союз на удивление быстро развивается в строительстве, что с моей точки зрения, важнейшее свидетельство миролюбия вашей страны. Да, у вас колоссальная программа! Наша фирма с радостью встретилась в Париже ваших специалистов и после недолгих переговоров подписала соглашения. Мы обязались предоставить для сооружения домостроительных комбинатов в Ташкенте и Баку необходимые чертежи и оборудование, а также смонтировать его на месте, чтобы всечасно ускорить пуск этих предприятий.

— Как выполняются соглашения?

— По-моему, нормально! 1 января 1960 года комбинат в Ташкенте вступил в эксплуатацию. В Баку лишь развернулось строительство, но и оно тоже будет, надеюсь, завершено в срок. Мощностю ташкентского завода 100 000 квадратных метров жилья в год.

— Где можно увидеть вашу продукцию?

— Пожалуйста, поезжайте на улицу Шота Руставели. Здесь на наших «ташкентско-парижских» панелях строители собирают первые дома по 48 квартир. Хочется надеяться, что будущим хозяевам они придутся по вкусу, и тогда мы будем считать наши обещания не напрасными.

Инженер Эмиль Моатти после пятимесячного пребывания в Ташкенте тоже уезжает в Баку. Он говорит:

— Я и моя жена Жозет с грустью улетам из Ташкента. Не потому, конечно, что Баку хуже Ташкента, а потому, что мы оставляем здесь добрых друзей. Это мои коллеги — инженеры и рабочие, а также педагоги Ташкентской консерватории, где все это время преподавала пение моя жена. Милые люди!

— Если вас, господин журналист, интересует, как парижане чувствуют себя в Ташкенте, — сказал инженер Жерар Шамбрелет, — то лучше всего об этом, вероятно, расскажет моя жена Одель. Но она сейчас отдыхает: наш трехмесячный сын Никола всю ночь не давал ей спать. Так вот, когда я в Париже сообщил жене, что фирма подписала контракт с Советским Союзом и посылает меня на несколько месяцев в Ташкент, она, парижанка, мрачно поглядела на меня и до-

стала карту. «Да, милый, — сказала Одель, — далеко твой Ташкент. Но что поделать: у всех женщин муж, как муж, а мой только и знает, что куда-то уезжает... Вот рожа сына и вместе с ним прычу!» Так она и сделала. Я не хочу показаться неискренним. Конечно, мы порой скучаем о Париже, но не жалуемся. У нас с женой в Ташкенте хорошие друзья. А в жизни это, пожалуй, едва ли не самое главное.

Под Новый год Тессье летал в Париж.

— Моя жена и дети знают о Ташкенте, как же, все и во всех подробностях. И все равно меня снова заставили рассказывать, какой в Ташкенте театр и что такое плов. Думаете, только из любопытства спрашивали? Нет, не только. Французы любят вашу страну. Я знаю, что и в Москве, и в Ташкенте, и в Баку, куда мы сейчас полетим, — всюду в СССР мы — желанные люди, и нам дилитесь как-то так легко, как и дома. И мне было бы приятно, если бы в день новоселья в наших домах в Ташкенте хозяева подняли маленькую рюмку за Эмиля, Андре, Жерара, Жан-Луи, Жильберта, за маленького Николая, за наших ташкентских парижанок и, грешным делом, за меня, инженера Тессье... А теперь до свидания, нас ждет Баку!

Трое парижан отлучались в Баку. Остальные остались работать на «своем ташкентском комбинате». Он уже дает жильем узбекским столицей квартиры из крупных панелей, которые несут на себе тепло дружеского совместного труда.

Н. МАР
специальный корреспондент
Литературной газеты

— Погляди, как радушно хозяйка встречает гости! Рисунок художника Камба из французской газеты «Юманите»

ТАКОГО Франция еще не знала. Рассеянная надвое, она будто окаменела в скорби и молчании. Что таилось за ним? Боль и горечь поражения? Или это признак отчаяния и страха? А может быть, французам облытела легенда о «культурном кентавре» — слиянии цивилизованной Франции с грубой, но сильной Германией, и они от восторга онемели? Быть может, молчание Франции — начало ее смиренного? Символ духовной капитуляции, предающей гибель нации?..

Майский приказ ФКП 1941 года во всем патриотом презрежал гниющую молчание. Несколько месяцев спустя Веркер со смыслом народное молчание. В те сказочные ничего неправдоподобного. Где-то вдали от Парижа жил старый интеллигент и его племянники. Однажды в холодный ноябрьский день в их дверь постучался нежданный постоялец. «Меня зовут Вернер фон Эбрэннак», — с низким полупоклоном обратился он к хозяйке дома — рассказчице. «Слова эти упали в молчание». Ответа немец так и не дождался. Так и повесть. Немецкий офицер ежедневно приветствовал их, а они молчали. Зимой он подсаживался к камину, будто погреться, но главное — порассуждать о любви к Франции, о войне, которая должна-де принести «что-то большее» Германии и Франции. Офицер фанатически исповедовал учение фюрера, чувствуя себя его мессией. Но чего еще не ведал в 1940 году самооблупившийся немец, уже знала Франция, знали миролюбивый старик и девушка. Возможно, потому-то слепой, как крот, немец и возмущал у них порой жалость и сострадание... Наконец, «прозрел» он. В Париже друзья зло высмеяли все романтические бредни. «Мы же сумасшедшие и не прощаем», — сказали они ему, — нам представлялся случай уничтожить Францию, и мы ее уничтожили... Мы растли эту душу нашими улыбка и церемонным обхождением. Мы обратим ее в пресмыкающегося пса». Когда, возвратившись, фон Эбрэннак принялся за рассказ, хозяйку на миг показалось, что обманутого немец возмутился. Но тот смолчал, сломленный, как фанатик догмы, открывший вдруг, что проповедовал ересь. Из всех представлений о человеческом долге он избрал слепое повиновение, избавляющее от сведения счетов с собственной совестью. «Итак, он подчинился», — подумал рассказчик, — вот единственное, что они умеют делать. Они все подчиняются. Даже он».

В финале повести духовная ницота немецкого офицера предельно обнажается. О чем бы ни прекраснодушествовал он раньше, как бы ни стремился сохранить мину «хорошего немца» после «прозрения» — и тогда, и теперь он оставался непрощенным чужеземцем и захватчиком. В момент прозрения, «я бы сказал, что он был в мушкетере больше, чем когда-либо».

Легенда о Чудине и Красавце, которую фон Эбрэннак мечтал увидеть воплощенной в реальности в образе союза двух сильнейших: Франции и Германии, символом которого было его собственное чувство к девушке с тоном профилем греческих богинь, оказалась пустой химерой. Как виндсе-му, ему бросили скрупу «прощайте», Вот и все.

«Молчание моря» — реалистический символ Франции непокоренной, торжествующей моральную победу над гитлеровской машиной смерти. Повесть Веркера, развенчавшая все иллюзии о возможной гармонии между оккупантом и оккупированным, иллюзия, за которые с упорством обреченных цеплялись воинствующие писатели-коллаборационисты, Мораны, Дрива, Рошелли, Шардонны, была крупным событием в литературе национального сопротивления. В эту эпоху Веркер по своему использовать жар лаконичного рассказа-были, рассказа-сказки, превращая повесть о героизме в страстную летопись совершающихся на его глазах.

Веркер. «Молчание моря». Издательство иностранной литературы.

ЛИК НАЦИИ

зах драматических событий («Типография «Вердека»). Порой же рассказчик открывает перед читателем страницу собственной жизни, предлагая сопереживать то, что ему довелось изведать. Было это в сороковых... Армия разбита, страна повержена. В глухое село селена судьба забросила двенадцать офицеров, связанных отныне лишь тягостным бездействием. Вот тогда-то и произошло «чудо», разгадку которого дает перекрестки моралистический финал рассказа. Еще недавно находившиеся во власти отчаяния и помышлявшие о смерти люди, увидев случайно комично шествовавшую дружную четверку утят, вдруг почувствовали, что «беззащитность, как глыбный плац», упала с их плеч. «Эти четыре хвастливых и милых утенка являли собой очень непохожую пародию не только на худшие стороны человеческого коллектива, но и на то прекрасное, что в нем заложено». А значит, «столкнувшись, если оставалась, еще надежда когда-нибудь выкорчевать это худшее и возродить прекрасное».

Вот эта теплissima в сознании надежда когда-нибудь выкорчевать худшее и возродить прекрасное в человеке определяет масштабы веркоровского гуманизма, порой выходящего в абстрактное морализирование, порой поднимающегося до осознания исторической необходимости.

Веркору-рассказчику чужды однозначность и прямолинейность. Порой, как в рассказе «Сновидения», он публикует страсти и негодуящий. Рассказчик будто хочет вернуться в чужое сознание, возбурдить его, огнать у самоудовольствия или просто равнодушию человека драво на душевный покой, заставить его вознегодовать от несправедливости — безразлично, совершается ли она на глазах или где-то за тысячу лет.

Иногда же художник по-мопассановски скуп и сдержан в выражении пристрасти, оценок и эмоций. Шемещее душу впечатление трагедийности рождается благодаря предельно объективному тону повествования.

Жили трое: папа, мама и мальчик (новелла «Однажды...»). Когда мальчик с папой уходили на прогулку, мама в кухне ставила горшок с геранью и смотрела на висель... Однажды, когда они возвращались, привнечного куста цветов в ошукне не оказалось. Домой они почему-то не пошла, а направились в другую сторону, к соседке. На следующий день мальчик играл в кубики, а за стеной участвующие женщины обсуждали его дела. Все-то он не разобрал, но понял главное: папа, надеясь увидеть маму, умчался на вокзал. Какие-то люди его узнали и, как маму, забрали. Мальчик вновь занялся кубиками. За стеной слышался шепот и плач. Мальчику не хотелось шуметь — он плакал молча. Долго не удавалось ему сложить кубики, изображавшие человека с большим пером на шляпе. «Скучнее всего было пером: трудно угадать, где у него верх... где низ. На перо упала слизинка, скользнула, заколебалась и повисла, как капля на росе...»

Книга закрыта. Образы, навеянные ею, тенятся в памяти. Девушка с сомкнутыми устами и опустошенный на фоне гигантских труб, из которых валит черная гарь и разносится запах железных костей, возникает фигура старого ветерана верденской битвы, прокладшего в конце жизни «старика Пете-на». Вот по перу скользящая слизинка того мальчика, над которым констляла смерть занесла свою коосу. Потом все это сливается, и отчетливо выступают лицо женщины: скрбию сжатые губы, суровая складка, прорезавшая лоб, и глаза, в которых много боли, но нет отчаяния, глаза, свещающиеся нестремимой мыслью и жаждущие справедливости, — лик Франции несопленной и непокоренной.

В. БАЛАШОВ

МЫ ЛЮДИ КОСМИЧЕСКОЙ ЭРЫ...

ВОПЛОЩЕНО, что человек не сразу осознал, какую огромную победу одержал над природой, когда впервые в его хитине запылал добытый им огонь. Точно так же далекие наши предки не испытывали, вероятно, особого потрясения, обнаружив мелкие зерна железа в доле оцагов. И только постаquam мы отметили особо эти странности романа о человечестве, дали название отдельным главам: «Эра огня», «Эра железа».

Совсем иначе восприняли люди наступление космической эры, начавшейся 4 октября 1957 года. Эта эра началась не внезапно, не случайно, не была сюрпризом. Приход ее был тщательно подготовлен. Ученые, вдохновленные мечтой Дедала и Икара, дерзновенно создавали космический корабль. Вы знаете, как обстоит ныне дело с осуществлением идеи Циолковского и Эно Пельтье. Я не намерен перечислять подвиги покорителей космоса — бывшие или настоящие. Я хочу сказать, что, по-моему, наступление космической эры вносит нечто принципиально новое в судьбы человечества. И в самом деле — получают новый стимул наши знания научные и технические. Мы находимся сейчас на одном из великих поворотных пунктов научного исследования, имеющем огромное значение. Теперь мы имеем право говорить о реальной возможности встреч с другими разумными существами, другими системами организации жизни, другими формами существования материи.

Но вторжение человека в космические просторы повлечет за собой изменения и этического плана, оно не может не затронуть и философию, и искусство. Я бы сказал даже, что, может быть, возникает новая форма романтизма. Профессор Георгий Покровский, подающий пример своими удивительными космическими рисунками, прав, утверждая, что космический подвиг в высокой степени способен прояснить эмоции и мечты. Но не они ли — эмоции и мечты — питают искусство, вдохновляют артистов?

А потом, ведь наш новые возможности заставят нас по-иному взглянуть на нашу планету, на эту старую Землю, принадлежащую нам в течение нескольких сот тысяч лет. Вполне очевидно, что разум возьмет верх и термоядерная, ракетная война не уничтожит множество городов, множество богатств, созданных человеком: поэтому надо бу-

дет применить и на земном шаре наш талант победителя, надо будет направить его на покорение природы. В этой области советские ученые совершили удивительные подвиги. На мою долю выпало счастье стать свидетелем некоторых из них, в частности в Арктике, где создавался шаг за шагом паразитный Северный морской путь.

Среди великих проблем, которые атакуют человечество, надо в первую очередь назвать голод. Сегодня на Земле три человека из семи засыпают голодом. И даже страны, обладающие рационально организованной сельским хозяйством и плодородной почвой, живут под угрозой прогрессирующего разрушения этой почвы, подгнивающей неумолимо действием эрозии. Значит, на первых порах нужно организовать борьбу с эрозией, используя опыт всех стран. Но великая задача состоит в том, чтобы сделать пригодными для возделывания гигантские зоны пустыни. Советский Союз может поделиться опытом покорения Голодной степи. В Исландии, где я недавно побывал, выращивают тропические культуры, остроумно используя для этой цели теплоту бьющих из земли фонтанов пара и горячих источников. В Рейнланде вы можете утопаться бананами, апельсинами и дынями. Нет сомнений в том, что благодаря соединенным усилиям ученых различных стран зазеленеют, наконец, эти белые и желтые пятна, которыми на наших картах обозначаются бесплодные земли.

Я думаю, что сумеют создать, а вернее, воссоздать, богатую растительность, покрывавшую некогда огромные субарктические районы Сибири, Алаяси и Гренландии. Но придется сделать и на большее — ведь народонаселение Земли будет увеличиваться. Некоторые специалисты в области статистики считают, что в момент наступления знаменательного 2000 года на Земле в два раза больше. А так как поверхность континентов и больших островов не обладает способностью растягиваться, а, напротив, стремится сократиться под действием эрозии, нам не остается ничего иного, как отыскать и завоевать новую Вселенную.

Эта новая Вселенная — океан. Вот уж, наверное, десятки тысяч лет, как

человек стал ловить рыб, моллюсков и ракообразных, населяющих море. В сущности говоря, до сих пор океан был для нас тем же, чем была земля для кочующих народов, — мы довольствовались чисто случайными его дарами. Идея разумной эксплуатации этого гигантского вивария — новая идея. Известный советский ученый Л. Зенкевич написал по этому поводу статью, которую останутся, навсегда, в истории как документ, возвещающий об удивительном новшестве нашей эпохи. Исследования экспедиции на «Витязе» (СССР) показали еще в 1956 году, что морская фауна живет даже на дне глубоких пучин Тихого океана (10 060 метров). А французские и бельгийские ученые, погружаясь в батискафах в глубь Средиземного моря, Тихого и Атлантического океанов, тоже обнаруживали присутствие жизни на самых больших глубинах. И наконец, всего несколько недель назад Иан Пикар и один американец опустились в батискафе на глубину в 10 919 метров: они тоже утверждают, что жизнь существует и на дне океана.

Моря и океаны хранят гигантские продовольственные резервы. Чтобы они стали для нас достижимыми, мы должны выполнить, по крайней мере, два условия: во-первых, составить каталог морской фауны. Это — дело океанографов, зоологов, которым надо основательно изучить биологически многочисленные и, в частности, из физиологические потребности (температура, солоненость, кислород в воде). Действуя таким образом, французский ученый Постель составил подробный «план спорт» так называемых тропических тунцов, что позволило увеличить их улов. Теперь стал возможным провозить лов в открытом море, поскольку только известные характеристики вод, которые предпочитают тунцы. Второе условие, которое может нам позволить лучше использовать гигантские морские стада, — это постройка судов и орудий, предназначенных для промышленного рыболовства в открытом море и на больших глубинах.

Пример ультрасовременного китобойного флота СССР показывает, что мы можем смело подойти к решению этой проблемы.

Предложен и другой путь: использование некоторых видов морских расте-

ний — водорослей, богатых многими ценными веществами. В Японии осуществлен очень интересный опыт с использованием хлореллы при изготовлении хлеба, пирожных и даже синтетических «бифштексов». Мало вероятно, что в таких странах, как Франция, СССР, Италия, где вкусная пища в таком почете, получат признание блюда из водорослей. Но, в конечном счете, говядина «передает» нам белки, содержащиеся в клевере; почему бы не попросить морские животные стать посредниками между нами и пастбищами из водорослей, которые мы будем возделывать рациональными методами? В Роскофе (северное побережье Франции) институт океанологии занимается этой проблемой. Ученые надеются скафандры и, взав грифельные доски, отправляются наблюдать за своими плантациями водорослей. Фауна которых увеличивается по мере их расширения. Быть может, ученые Роскофа — это предтечи морских «землебороз», которые завтра поргугаются в глубь океана на некоем подобии подводных скунтеров. Мы тогда прольям при возделывании океанских пастбищ ту же заботу о научной рационализации, благодаря которой современное сельское хозяйство может пользоваться достижениями агрономии.

Можно ожидать от моря и других даров, например, рудных и энергетических ресурсов. Уже находится в эксплуатации высокопроизводительные установки: в СССР и США (нефть), в США (магний), во Франции (железо). Океан и его приливы — это 24 миллиарда киловатт-часов в день, то есть приблизительно общее количество энергии, которую человечество потребляет за день в форме электрического тока и работы двигателей всех видов. Какие изумительные перспективы, скажете вы.

Да, это так. И у человечества, принявшего решение жить в мире и расширяющегося своей планетой, хватит сил, чтобы сделать ее более щедрой и гостеприимной. Но для этого нужно именно то, чего последователно и настойчиво добивается Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев, — мир и сосуществование; сосуществование различных народов на этой Земле, которая мчит нас всех вместе в пространстве со скоростью около 107 000 километров в час вокруг Солнца.

И эта истина кажется нам особо очевидной в этом году — в третьем году космической эры.